

Н. И. Надеждин

<Два ответа Чаадаеву>

I

Так названное «Философическое письмо», помещенное в 15-й книжке «Телескопа» за нынешний год, возбудило самое сильное и самое естественное негодование. Отрицая с каким-то диким ожесточением все наше *прошедшее*, говоря, что у нас нет преданий, нет воспоминаний, *словом нет истории*, что мы *народ исключительный*, что мы *явились в мир без наследства, без связи с другими людьми, что мы никогда не шли вместе с другими народами, не принимали участия в ходе и движениях европейского просвещения*, это письмо возмутило, оскорбило, привело в содрогание народную нашу гордость. Как? Мы, русские, никогда не жили, ничего не сделали, ничем не наполнили истории? Этот дивный великий народ, который даровал свое имя седьмой части земного шара, который за тысячу лет озарился Божественным светом христианской веры, начала всякого просвещения, и разлил ее благодатные лучи на безмерном, ужасающем мысль пространстве, от подошвы Карпата до хребтов Алтая; народ, который в одно столетие успел присвоить себе все, что есть лучшего в европейской образованности, созданной рядами столетий, который в один год, прошедши Европу из края в край с мечом победы и оливную ветвью мира, начертал себе такую блистательную страницу во всемирной истории человечества, какой не может представить ни один из древних и новых народов света: этот-то народ поставить на самой крайней степени ничтожества? Такое дикое ослепление мало назвать просто заблуждением: это бред, горячка, безумие! И этим безумием оскорбляется сколько здравый смысл, видя в нем совершеннейшее противоречие с действительностью, столько или еще более на-

родная русская гордость, поруганная так обидно, так дерзко и еще так несправедливо!

Мы не имеем прошедшего, не имеем истории, не имеем преданий и воспоминаний! Но что значит тысяча лет существования русского имени с тех пор, как Рюрик положил первый камень общественного благоустройства на отдаленнейшем севере Европы, с тех пор, как Олег двинул этот север на юг и прибил щит русский на стенах гордой столицы древнего мира, с тех пор, как равноапостольный Владимир добыл этому северу, еще юному, но уже могучему, и веру, и письменность, и искусства, и нравы? Что значат эти яркие проблески героической храбрости, дивного мужества, которые, подобно молниям, рассекают густой мрак последующих времен и в именах Мономахов и Боголюбских, Александров и Дмитриев увековечивают славу русского имени на берегах Днепра и Клязьмы, Невы и Дона? Что значит грозная, но величественная чета Иоаннов, которые менее чем в столетие собрали обломки колосса, пятьсот лет дробимого бурями удельных междоусобий, двести лет подавляемого тяжким порабощением, и из Москвы, оброчного городка кочующих варваров, создали столицу державы, простирающейся до тундр Сибири, до степей Татарии? Что значит чудесный, беспремерный в летописях мира 1612 год, когда Русь Иоаннова, осиротелая, обезглавленная, потрясенная из конца в конец, раздавленная в самом сердце насилем остервенелого врага, вдруг чувствует в себе исполинское могущество, собирает все свои силы, поднимается и сбрасывает с себя чужеземное иго, растаптывает в прах своих мучителей и в полном упоении своего торжества, в полном сознании своего могущества, своих сил спешит освятить свои лавры, повергая их к стопам юного Михаила, благородной отрасли Владимиров и Иоаннов, благословенного корня Петра? Что значат, наконец, эти два последние века, прожитые нами под благодатным скипетром потомков Михаила, эти два века непрерывных чудес, которые отдаленнейшее потомство сочтет баснословною поэмою; эти два века, записанные во всемирную историю человечества приобщением к Европе двух третей ее и половины Азии, основанием нового Царя-града на пустынных берегах Финского залива, округлением Европейского Востока в одну великую, твердую и могучую державу, избавлением и умиротворением Европейского Запада, водружением северных орлов на стенах Парижа и на хребтах Арарата?¹ Это ли не история? Это ли не прошедшее? И какой другой народ, древний или новый, может представить воспоминания более сладостные, предания более драгоценные?

Мы никогда не шли вместе с другими народами, не принимали участия в ходе и движениях европейского просвещения! Но в чем состоят признаки и плоды того просвещения, которым Европа имеет право гордиться, в котором ей можно и должно завидовать, соревновать? Без сомнения, в развитии наук и искусства, промышленности и торговли, этих главных условий общественного совершенства, главных показателей умственной и гражданской образованности народов? Но разве у нас нет наук и искусств, разве наша промышленность и торговля не возрастают, не цветут, не подвигаются вперед исполинскими шагами, ежегодно, ежедневно, ежеминутно? У нас нет наук? А беспредельное пространство нашего отечества покрыто школами, училищами. Каждое сословие имеет приют, где может развивать свои умственные способности, обогащать их полезными сведениями, изоцрять и благородствовать. Каждая отрасль знания имеет достойных служителей. Каждый умственный подвиг находит поощрение, награду, считается государственною заслугою, гражданскою добродетелью. Число училищ, число учащихся растет не по дням, а по часам! У нас нет искусств! А давно ли картина русского художника, несмотря на все усилия зависти, получила первую награду, увенчана торжественно в том самом городе, который считается столицею нынешней так называемой европейской образованности?² И не приезжают ли толпами просвещеннейшие европейцы любоваться, дивиться нашему Петербургу, этому великолепнейшему, изящнейшему городу не только в Европе, но и во всем свете? У нас нет промышленности! А между тем богатая, неистощимая наша природа ежедневно разверзает свои недра и дарит труду новые сокровища. Хребты Урала и Алтая кипят золотом; на берегах Крыма, у подошвы Кавказа виноград стелется лесами, шелковичный червь прядет в изобилии свои нити, все нежные произведения юга располагаются, пускают корни и делаются русскими. Мерзлые тундры Камчатки и раскаленные солончаки киргизских степей засеваются хлебом, обращаются в золотистые нивы. Русский путешественник на утлом челноке отважно носится по волнам двух океанов, не боясь вечных льдин одного и грозной тишины другого, преследует кита в полярных широтах Шпицбергена, добывает пушистые меха на погасшей гряде Алеутских и Курильских вулканов. Все изделия пользы, удобства и роскоши не стыдятся уже носить русский штемпель, свидетельство русского происхождения. Москва со своими окрестными губерниями, Тулой и Ярославлем, Калугой и Владимиром, быстро превращается в одну огромную мануфактуру, в исполинский Манчестер! У нас нет торговли! А наш Ниж-

ний Новгород ежегодно соединяет в себе Европу и Азии, приходящие меняться своими трудами и выгодами. Купцы московские имеют свои конторы в Кяхте, на границах Небесной Империи. Американская компания соседничает с Соединенными Штатами. В Петербург и Одессу, в Ригу и Архангельск приходят корабли из Александрии и Калькутты, из Нью-Йорка и Рио-де-Жанейро. И тогда как французы и немцы только что собираются воспользоваться важнейшим изобретением современной промышленности, богатейшим пособием торговли, железными дорогами, тогда как в этих просвещеннейших странах Европы едва обделано по десяти, по двадцати верст, у нас зреет уже исполнительский план оковать железом более чем тысячу верст расстояния, связать Петербург с Москвою и Нижним Новгородом, так чтоб это огромное пространство пожиралось в двое суток! Как же мы не идем вместе с другими народами, не принимаем участия в ходе и движениях европейского просвещения? Нет! мы бежим с нею взапуски и, верно, перебежим скоро, если еще не перебежали.

Все это такие факты, которых отрицать нет никакой возможности, которых действительность ясна, как солнце. И русскому ли не признать их, не чувствовать, не восхищаться и не гордиться ими, тогда как в самых враждебнейших иностранцах зависть невольно смиряется пред истиною и почтительное благоговение сменяет место прежнего неприязненного презрения! Русскому ли осмелиться сказать, что народ русский до сих пор *ничем* не был, *ничего* не сделал?

Но, братья русские, будем беспристрастны к себе, будем правдивы и искренни! Так! мы велики, и величие наше признается всеми земными народами. Но мы ли создали себе это величие? Плод ли оно наших собственных усилий? Сами ли мы возвысили себя так внезапно на такую степень совершенства, что, осматриваясь вокруг, почти не верим, почти сомневаемся: точно ли все это истина, не обольщаем ли мы себя сладкою мечтою?! Да! благородно гордиться своим величием; но еще благороднее признать истинный источник, истинное начало этого величия, и повергнуться пред ним во прах с благоговейным смирением, исповедуя, что мы сами ничто, что мы все только чрез ту могучую власть, которая, самодержавно правя нашими судьбами, вела и ведет нас по всем путям совершенствования без нашего ведома, часто даже против нашей воли, борясь отечески со свойственною массам неподвижностью.

Мы имеем блистательные страницы истории. Но разве это история наша? Разве это история русского народа? Нет! это ис-

тория Государства Русского, это история царей русских! Развернем наши летописи. За тысячу лет на берегах Ильменя полагается первый камень нашей истории. «Земля наша велика и богата, — говорят послы новгородские князю варяжскому, — но нет в ней порядка; приди править нами!» И на эти слова приходит самодержавный князь и утверждает в великой и богатой земле русской порядок, краеугольный камень народного бытия. Скоро новорожденная Русь озаряется светом христианства и с тем вместе получает первые начала умственного и нравственного образования. Но здесь опять сам ли народ русский действовал своею волею? Нет! Народ обогрил улицы Киева кровию первых русских христиан. Спасительная мысль о прогнании мрака идолопоклонства с земли русской образовалась в уме великого князя и совершена им.

Послушный велениям главы своей, народ погрузился в струи Почайны³, но все еще втайне болезновал о Перуне, провожал далеко сокрушенный кумир его и восклицал: «Выдыбай, выдыбай, боже!» Летописец говорит, что матери рыдали, отпуская детей своих в школы согласно с волею равноапостольного просветителя земли русской⁴. Что последовало потом с народом русским, когда державная власть раздробилась на бесчисленное множество уделов и тем, естественно, ослабила себя, когда на площадях городов раздавался звон вечеревого колокола, которого не могли заглушить обессиленные князья? Русского народа не стало: он исчез со страниц истории на целые пятьсот лет. Русских не было во время нашего так называемого удельного периода, окончившегося, с одной стороны, татарским, с другой — литовским порабощением. Тогда были новгородцы, киевляне, суздальцы, рязанцы, которые резались друг с другом так же, как с чужью, с половцами, с печенегам, забыв и думать о том, что составляют один народ, одно семейство. Горько вспомнить, что в это несчастное время имя Руси, святое, великое имя, сделалось названием польского воеводства, что единственный остаток, в котором тайлось зерно русской самобытности, не смел иначе называться, как Московским княжеством, и долго, долго после был известен соседям под этим провинциальным именем, под именем *Московии*. Кто заставил народ русский войти в себя, сознать свое единство, сделаться снова русскою державой? Князь московский, который, сосредоточив снова в руках своих самодержавную власть, принял имя *царя всей Руси*, имя, сделавшееся залогом восстановления русской самобытности. Говорить ли о том, как с этой поры, с этой первой буквы настоящей нашей истории развивалось наше существование, упреждалась само-

бытность, росло величие? Кто действовал у нас единственно и исключительно, кто мыслил, кто трудился за нас? Царь! Чтобы ознакомить с нами Европу, которая все еще продолжала считать нас жалкою Московиею, надо было русскому царю проехать ее из края в край самому, своею священной особою. Первый русский, в котором Европа узнала и научилась чтить имя русское, был царь русский. И когда, какую строку записали мы в историю сами собою, без внушения, без веления своего царя? Были, точно, две великие эпохи, два славных, незабвенных двенадцатых года, шестьсот и восемьсот двенадцатый, когда народ русский действовал из себя, сам собою. Но рассмотрим внимательно эти две эпохи. В 1612 году народ русский точно сиротствовал, предоставлен был одному себе. Но над ним незримо носилась святая, великая идея царя; все движения его в эту незабвенную годину, весь этот благородный, высокий энтузиазм, которому нет примеров ни в чьей другой истории, имел целью наполнить эту опустевшую идею, без которой нет существования, нет жизни для народа русского. Если не лицо, то имя царя было единственным возбуждательным началом тех доблестей, той славы, которою облита эта блистательная страница нашей истории. В другой незабвенный двенадцатый год подвиги и патриотизм русского народа были явно только царелюбивым отголоском всех сердец на призыв монарха. Кто первый из русских сказал, что он *не положит оружия, пока хотя один враг останется на земле русской?* Царь русский. Другие европейские народы разве не чувствовали всей тяжести, которою давила их пята, угрожавшая раздавить нас? Но они безмолвно смирялись, потому что не слышали призыва с престолов, потому что те, которым небо вверило предводительствовать ими, сами безмолвно смирялись перед мощным завоевателем. Царь рек, и русский колосс всколебался, опрокинулся всею тяжестью своею на все сильного врага и сокрушил его беспредельное могущество. И так вся наша история не есть история *нас самих*, нашей отдельной *народной* жизни, а история наших царей, в которых и которыми мы жили. Нашей истории нельзя делить по периодам *народной* жизни, как европейцы делят свою историю, а по *царствованиям*, которые представляют непрерывную лестницу благодетельной деятельности царей и благоговейной покорности народа. Пусть всякий русский положит руку себе на сердце и скажет: была ли, есть ли у нас другая история?

Во всех отраслях просвещения *мы* равняем, *мы* обгоняем Европу! Так! Кто в этом может усомниться? Но спросим опять себя: кому мы обязаны этим уравнением, этой надеждой выпере-

дить Европу? *Мы* ли собственными усилиями, собственным умом, собственною волею создали и создаем себе просвещение? Сознаемся откровенно: до сих пор в деле просвещения *мы* еще не умеем достойно отвечать воле монархов, наших единственных просветителей, не научились еще вполне пользоваться всеми их попечениями о нашем образовании. Так! У нас процветают науки, размножаются училища, жизнь умственная всюду проявляется. Но кому принадлежит честь всего этого движения? Кто был первый наш просветитель, наставник, учитель? Петр. Не он ли сам своей державной рукой правил корректурный лист первой русской газеты, писал план первой русской академии? Среди бесчисленных царственных трудов он составил для нас даже самую азбуку, придумал буквы, которыми мы теперь пишем. И потом, какое учебное заведение возникло, какой ученый полезный труд предпринят и совершен без повеления, без поощрения и награды монархов? Чтобы заставить нас учиться, каких средств не употребляет доселе державная власть? Она основывает училища, обеспечивает способы и средства образования, зовет, принуждает учиться и осыпает истинно царскими наградами тех, которые только что повинуются ей, только что исполняют ее благие веления. Мало того, стоит изъявить желание, и дети наши берутся под непосредственный отеческий кров монарха, воспитываются на иждивении правительства: в одних военных училищах таких воспитанников царя тысячи. Мало и того: хотим ли мы, чтобы дети наши воспитывались дома, под нашими глазами? Их наставники считаются в непосредственной службе царской, имеют все права государственных чиновников. И так умственная наша жизнь не есть дело *наше*, а дело мудрых, попечительных наших монархов! У нас цветут искусства! Но кто их насадитель, покровитель, распространитель? Наши великолепнейшие здания воздвигнуты щедротами монаршими. Наша академия художеств императорская, наши театры императорские. Наши лучшие художники, дивящие своими произведениями Италию, отчизну искусства, — пансионеры царские⁵. Кто лелеял у нас, на нашей северной почве, первые нежные семена изящных искусств? Екатерина, которая удостоила своим царским посещением Ломоносова, чтобы видеть его мозаическое лепление! Елисавета, которая своими державными руками украшала ребенка, сделавшегося отцом русского драматического искусства!⁶ Николай, который первые дни своего благословенного царствования ознаменовал признательностью и уважением к мужу, воздвигшему великолепнейший памятник русскому языку и русской истории!⁷ Вот наши великие меценаты, наши гении —

вдохновители творческого гения! У нас процветают промышленность и торговля! Но от *нас* ли? Нами ли? Не должен ли был Петр строить своими руками корабли, ковать железо, чтобы извлечь нас из прежней беспечности? Он братался с русскими бородачами, называл «дядею» какого-нибудь Серикова, приглашал его в свой кабинет и дружелюбно толковал, как бы завестись своим русским сукном, чтоб было и покупателям дешево и производителям выгодно. И теперь, какое торговое общество, какое обширное промышленное заведение образуется без пособий, без покровительства, без наград монарших? На днях мы были свидетелями умилительного зрелища, которое электрическим огнем проникло и одушевило все бесчисленные нити нашей промышленности и торговли. Русский царь ездил на свой главный рынок, первый рынок Европы, и там с отеческой любовью вникал во все нужды, потребности и выгоды детей своих, там благоволил указать новый путь обогащения своему народу через непроходимые хребты Кавказа до Калькутты⁸. Кто ж виновник настоящего развития нашей промышленности и торговли? *Мы* ли? *Народ* ли? Скажем более: даже умягчением наших нравов, образованностью обычаев, всем изяществом наружного, общежительного быта мы обязаны не себе, а царям нашим. Петр снял с нас прежнее платье, придававшее нам азиатскую наружность, и, чтобы создать нам изящную общественную жизнь, царским указом и грозой сбирал нас в *ассамблеи* из наших уединенных теремов, запертых горниц. А семейная связь, самое первое и святое основание общественного благоденствия, где находит у нас теперь высокий, повелительный пример, столь необходимый после того, как в прошлом столетии в просвещенных странах Европы общий разврат угрожал ей конечным разрушением? Французы с восторгом говорят о своем добром Генрихе IV, который возил на себе своего маленького сына. Но добрый король устыдился этого отеческого поступка, сделанного в уединении кабинета, и извинял себя перед тем, который случайно сделался его свидетелем. Мы, напротив, недавно видели пример родительской нежности, совершенной великим монархом торжественно, в присутствии сотен тысяч восторженного народа! И так все наше просвещение, вся образованность принадлежит опять не *нам*, происходит не от *нас*, а от царей наших. Их самодержавная воля была и есть нашей водительницей на всех путях совершенствования.

Значит, все, что мы имеем теперь, имеем *не от себя*, *не чрез себя*. Значит, мы сами по себе точно *ничто*! Добрый русский народ чувствует это, и вот почему все его желания, все надежды,

все обеты и благословения, вся жизнь, все бытие сосредоточены были всегда в самодержавной главе его. «*Ведает Бог и Великий Государь*» — вот сокращение всей его народной мудрости! «*Служу Богу и Великому Государю*» — вот основание всей его гражданской деятельности!

В таком случае мы действительно *народ исключительный*, не принадлежащий к современному *европейскому семейству*, не принимающий *участия в его ходе и движениях*! Но неужели это для нас унижительно? Неужели этим должна оскорбляться наша истинная *русская* гордость?

Боже мой! Как жалко унизились бы мы в собственных глазах, если б стали сокрушаться о том, что мы созданы быть народом самобытным и самообразованным, а не слепком, не копией других народов! Неужели нынешний европейский быт есть крайняя ступень совершенствования человеческого, окончательная развязка, последний акт всемирной истории? И народ, который мыслит, который чувствует, который живет не как нынешние европейцы, уже не имеет никакой надежды спасения, должен повергнуться в мрачное, безотрадное отчаяние, хотя бы он, как мы, состоял из шестидесяти миллионов, наполнял собою пространство, в котором уместится десяток и больше Европы? Нет! Не напрасно миродержавный Промысел отвел нам в удел такую огромную, беспредельную ландкарту, держал нас тысячу лет под своим особенным попечением и не дал нам утратить ни своего самобытного языка, ни своих самородных нравов, ни своей самобразной физиономии, одним словом, ни одного из тех условий, которыми держится народная самостоятельность, тогда как другие нации при малейшем стечении неблагоприятных обстоятельств во сто лет сглаживались с лица земли, так что теперь не находят и следов их! Не напрасно во все это время мы отделены были от маленького уголка, называемого Европою, не приняли ничего от ней в наследство, даже самое христианство, первое условие всякого просвещения, заимствовали не у ней, а у Византии, которая была тогда в таком жалком, непривлекательном положении, что мы сами тотчас ее презрели, бросили, не приняли за образец и правило. Не напрасно эти тысяча лет нашего существования представляют чистый *пробел в истории*, свиток которой европейские народы исчертили своими страстями, испачкали заблуждениями, забрызгали кровью! Да! *Мы существуем для того, чтобы преподать урок миру*! Наше назначение — не быть эхом этой дряхлой, издыхающей цивилизации, которой, может быть, видим мы последние, предсмертные судороги, и развить из себя новую, юную и могучую цивилизацию, *циви-*

лизацию собственно-русскую, которая так же обновит ветхую Европу, как некогда эта Европа, еще чистая и девственная, еще не истерзанная бурями, не состарившаяся в волнениях, обновила ветхую Азию. И вот идеал этой русской самобытной цивилизации.

Народ русский до сих пор есть великое, патриархальное семейство, существующее в тех чистых, первобытных формах отеческого самодержавия и детской покорности, которые сам Бог изрек для рода человеческого. Жалко и смешно ослепление тех, которые и теперь еще повторяют нелепую мечту Руссо о каком-то первобытном состоянии людей, когда мы, как звери, ходили будто на четвереньках и пожирали друг друга, жили настоящей республикой львов и тигров, и о каком-то *общественном договоре*, на котором будто основались все нынешние гражданские постановления. Люди никогда не были и не могли быть зверьми. Сама природа отличила их от бессмысленных животных тем, что вложила в их сердца инстинкт семейности, инстинкт, не оставляющий их в самом глубочайшем варварстве и дикости. Где только находят ныне людей, людей диких, почти униженных до состояния зверей, везде находят их семьями. Семья есть необходимая форма человеческого существования. Но семья по природе своей есть монархия, и монархия самодержавная: в ней отец — природный, неограниченный государь; дети — природные, безусловные подданные. Все народы начали свою историю с этого первоначального, единственно свойственного природе человеческой состояния. Азия, отчизна человечества, с самых первых дней своего бытия является в монархических, неограниченно самодержавных формах. Когда Греция, колыбель европейской цивилизации, вышла на сцену истории в песнях Гомера, она также представляет ряд семейств, управляемых патриархальными жезлами царей, *пастырей народов*. Но в последствии времени разгар страстей, соблазн своеволия, желание пожить своим умом, по своим прихотям вкралось в эти первобытные семейства и разрушило святые узы послушания, которыми держалось их существование. Как семья резвых своевольных детей, народы вздумали обойтись без патриархальной отеческой власти, пожить сами собою. И что же сделалось с ними? Они истощили свои силы в бурных порывах, в кипучих страстях и погибли, как гибнут все несогласные семьи. Так погибла Древняя Греция; так погиб Древний Рим. Напрасно в последние времена народ римский отказался от своей несчастной самобытности, которой доискивался столько веков, которая стоила ему столько терзаний; напрасно возвратился к первоначальной фор-

ме всякого гражданского бытия, повергся под самодержавный скипетр Цезарей. Было уже поздно! труп, истерзанный вековыми потрясениями, не мог оживиться. Притом монархия Цезарей не была чистая, естественная, *законная*, а какая-то чудовищная смесь неограниченного могущества и всегдашней зависимости от произвола тех, которые ей покорялись. Отсутствие наследственности, необходимого условия истинной, законной монархии, было очевидным признаком ее неестественности. Горсть солдат, интрига евнухов, толпа черни раздавала, даже продавала пурпур кому хотела и срывала его опять по своему буйному произволу. Это было причиной, что обе Римские империи, Западная и Восточная, не могли устоять, разрушились, пали. Явилось христианство, начало нового мира. Оно скрепило опять узы патриархальной покорности в народах, освятило державную власть печатью Божественного права, объявило царей, отцов народа, помазанниками Божиими. И вот новая блистательная жизнь заструилась в жилах человечества. Европа воскресла и создала себе ту великолепную цивилизацию, которая дала ей первенство во вселенной. Обратим внимание на блестящую эпоху так называемого *возрождения* наук и искусств, на это прекрасное утро европейского просвещения. Оно свершилось под непосредственным влиянием державных властителей народов. Кто были первые покровители наук и искусств в Италии? Самодержавные первосвященники Рима, миланские Висконти и Сфорцы, флорентийские Медичи, феррарские Эсты, веронские Скалы, сосредоточившие в руках своих власть державную. Венеция и Генуя, оставшиеся республиками, принимали самое ничтожное участие в возрождении наук и искусств: они только покупали манускрипты и другие остатки древности для державных меценатов. Да и в других государствах Европы как называются *золотые века* просвещения? По именам государей, которые были их главными зиждителями: *веком Франциска I, веком Елисаветы, веком Людовика XIV* Но Европа также не захотела остаться при тех условиях, которые были причиной ее возрождения: она вздумала посвоевольничать, пожить сама собою; она пародировала Древнюю Грецию и Древний Рим; объявила войну своему родному, кровному прошедшему, опрокинула его, смочила кровью, для того чтобы передразнить заблуждения и страсти древних народов, забыв, что они погибли от этих страстей и заблуждений. И ее постигнет та же судьба, и над ней свистит уже бич Немезиды, под ударами которого сокрушился Рим, сокрушилась Греция.

Благодаря Промыслу народ русский не принимал никакого участия в движениях Европы. Он остается до сих пор чистой,

девственной *семьею детей*, безусловно покорных своему державному *отцу*. И это наше высокое неочтенное преимущество, это особенная благодать Божия, которою мы, русские, имеем полное право гордиться пред всем светом. Мы *дети*, и это *детство* есть наше счастье. С нашей простой, девственной, младенческой природой, не исчерченной никакими предубеждениями, не засеянной никакими враждебными воспоминаниями и преданиями, можно сделать все без труда, без насилия; из нас, как из чистого, мягкого воска, можно вылепить все формы истинного совершенства. О! какой невообразимый верх дает нам пред европейцами это святое, блаженное *детство*! У них есть длинная, тысячелетняя история; но чего она им стоит? В этой истории воспоминания и предания, накопленные веками, представляют борьбу разнороднейших, враждебнейших *стихий*; и эта борьба оставляет их в вечном колебании, в вечном раздоре, в вечных муках болезненного разрушения. Эта история их гибель: она завещала им неизгладимую ненависть сословий друг к другу, бесчисленные неисполнимые притязания, химерические требования, мечтательные нужды. Благо нам, что у нас нет такого прошедшего, что мы не имели и не имеем этих враждебных *стихий*, борьба которых составляет историю Европы. У нас не было их, нет и дай Бог, чтоб никогда не было, и даст Бог, никогда не будет; у нас одна вечная, неизменная *стихия*: Царь! Одно начало всей народной жизни: *святая любовь к Царю*! Наша история была доселе великою поэмою, в которой *один* герой, *одно* действующее лицо. Это-то единство было причиною, что мы так быстро сравнивались с европейцами относительно просвещения. Что они придумали в продолжение веков, то мы схватили в одно столетие. Будь действителями *сами* мы, предоставь нас Промысл *собственному* уму, собственной воле, не пошли он нам самодержавной адмантовой воли Петра, мы бы до сих пор оставались в наших бревенчатых избах добычей лени, невежества и бедности. Вот отличительный, самобытный характер нашего *прошедшего*! Он показывает нам и наше *будущее* великое назначение. Да! Присоив себе все благие плоды просвещения без тех волнений, без тех мук, без тех ужасных потрясений, которые изнурили Европу и убили в ней духовное начало жизни до того, что она уже отчаивается теперь в своем будущем, мы, напротив, станем юными, бодрыми, могучими на чреде мира и явим великий, блистательный пример, как из святого единства *самодержавия* должно возникать образцовое высочайшее *народное* просвещение, величие и счастье. Этому просвещению, этому величию, этому счастью будет завидовать Европа. Но что я сказал? Она и теперь уже

завидует. Вот что говорит один из просвещеннейших мужей ее, знаменитый *Раумер*, краса и слава германской учености. «Русские теперь *счастливей* многих народов Европы; они имеют именно такую конституцию, какая им нужна. У них есть (что требуется в политике точно так же, как и в математике) свой центр, и этот центр их император. Формы других государств для них неприменимы. Чтобы связать такое великое целое, как Россия, необходим *один муж*, и этот муж является в полном смысле этого слова по телу и духу в особе царствующего императора. В нем соединены все великие государственные способности, повелительная и в то же время привлекательная наружность, удивительная деятельность, дивная сила воли и непреодолимое мужество. Конституция Императора Николая такова, что я готов взять акцию скорее на нее, нежели на жизненность других бумажных конституций» *⁹.

Итак, вот где наше истинное достоинство, истинная *гордость!* Пусть другие европейские народы, дряхлые, изможденные, стараются утешать себя в преждевременной старости безрассудными возгласами: «Зато мы пожили, зато мы сделали». Русский великий народ находит свою гордость в другом, более высоком, более утешительном чувстве: «Я ничего себе не приписываю, за меня действует моя глава; я только слушаюсь ее, повинуюсь ей с доверенностью и любовью; и зато я так свеж и могуч, прекрасен и величествен!» В этом чувстве нет никакого унижения: напротив, оно гораздо согласнее с истинным достоинством человеческой разумно-нравственной природы, чем хвастовство буйного своевольтва. Прибегнем к собственному нашему здравому смыслу. Какие минералы, какие растения, каких животных считаем мы единогласно благороднейшими, совершеннейшими? Не те ли, которые допускают искусству обрабатывать себя во все изящные формы, которые повинуются мысли, соотносятся с нею, воплощают ее в себе, отрекаясь от того дикого, грубого, бессмысленного и бесцельного состояния, в котором находятся они в недрах природы? Когда золото является во всем своем блеске, алмаз во всей своей прелести лучезарной игры? Тогда, как грубый кусок руды пройдет чрез очистительный горн, темный бесцветный кремень покорится резцу художника! Отчего колос пшеницы, лоза винограда предпочитают и могучему дубу, и стройной пальме, и величественному кипарису? отчего они называются благодатнейшими дарами растительной природы? Оттого, что они безусловно покорны руке, их возделывающей; от-

---

* Телескоп. 1836. 15. С. 385–386.

того, что, по манию этой руки, один рассыпается питающими зернами, другая струится оживляющим, веселящим сердце соком. Когда, в какие минуты лев, царь зверей, является нам во всем своем царственном величии, рождает истинно высокое чувство? Тогда ли, как в бешенстве непреодолимой силы, разметав гриву, сверкая кровавыми глазами, с диким ревом терзает своих менее сильных братьев или, при недостатке добычи, истощает свою ярость на самом себе? Нет! Но когда это дивное, могучее животное, покоряя свою силу чувству признательности, лижет добродушно руку своего попечителя, слабого, беспомощного человека, играет с ним, позволяет ему перебирать его косматую гриву, гладить его грозное чело! Орел, другой царь животных, лев пернатых, нигде так не является величественным, как в прекрасной басне древних греков, где он с покорностью голубя носит молнии и гром миродержца Зевеса! Вот тайна истинного *величия* всего сотворенного, всего, что существует во вселенной! Это величие находится только там, где *сила добровольно покоряется мысли, чувству*. И чем *сила* выше, тем *покорность* благороднее, *величие* блистательнее. Таково именно величие русского народа! Этот дивный колосс, который одним легким потрясением своих исполинских мышц может всколебать, опрокинуть вселенную, этот колосс повинуется одному отеческому слову, одному державному мановению, и повинуется *добровольно*, с преданностью и с любовью. И вот чем славна великая его история! Она наполнена дивными чертами этого *добровольного повинования силы*, в котором заключается истинное *величие народов*. Где, в какой истории найдете вы сцену, подобную той, которая открывает собой летописи земли русской?

Везде, у всех народов, власть утверждалась завоеванием, порядок был сладким плодом горького насилия. Первый властелин, о котором упоминают летописи мира, Священное Писание, был *муж силен ловец пред Господом*; он сам себя сделал царем, сам дал себе право владычества. Только один избранный народ Божий, народ еврейский, имел мудрость испросить сам себе земную главу у небесной главы своей; но этот народ просвещен был Откровением свыше. А народ русский еще во тьме язычества, при совершенном отсутствии всех внешних возбуждений, по одному внушению доброго светлого чувства, которое принадлежало только одному ему, сам преклонил колена, смирил свои могучие силы и передал свою *великую и богатую землю* спасительной власти *единодержавия*, да воцарится в ней *порядок*! Какой мудрый ответ дала дружина и дума княжеская, представительница мысли и силы народной, когда Владимир, по тщательном испы-

тании, решился завоевать своей земле христианство? Она сослалась на державный пример Ольги, *мудрейшей из жен*, и с безусловною преданностью повиновалась воле Равноапостольного. Тут не нужно было ни грозных указов Феодосия, ни насильственных драгонад Людовика XIV, ни крестовых походов, столько раз провозглашаемых папами для обращения язычников. Все исполнилось единодушно, безусловною покорностью народа. А то непоколебимое постоянство, с которым народ русский вынес бури междоусобий и ярмо чужеземного рабства, не изменяя себе, не утратив своих добрых качеств, своей любви к Богу и царю! А то героическое терпение, с которым он прошел сквозь очистительный огонь укрепляющегося самодержавия под грозю Иоанна! А второе, еще более славное, еще более торжественное покорение под спасительную власть *единодержавия* после блистательнейших подвигов, которые упоили бы всякий другой народ справедливою гордостью, справедливою доверенностью к самому себе! Глас безоружного старца из уединенной тиши монастырской кельи раздается по всем концам Руси и приводит ее в электрическое содрогание¹⁰; сын народа, нижегородский простолюдин, становится вождем многочисленного воинства; меч благородного князя, победителя врагов, освободителя Москвы, любимца Руси, уже касается святого венца Мономахов¹¹; и чем же оканчивается эта высокая драма: где каждое сословие народа явилось во всем блеске, во всей силе? Единодушным покорением всех воль, преданием всех сил юному Михаилу! А то послушное увлечение, с каким после свойственного детскому возрасту упорства народ русский потек по пути, указанному ему великим преобразователем! Но зачем искать примеров далеко? Давно ли в тяжкую годину искушения, посещавшего нас губительною язвою, одного слова царя достаточно было, чтобы подавить невольное отчаяние в сердце бедствующего народа, повергнуть его на колена и заставить вознести пламенные мольбы к единому Целителю всех недугов, Врачу всех страданий¹². Европа не могла скрыть своего благоговейного изумления при таком величественном зрелище, какому немного подобных представят летописи мира, которое кажется вырванным из поэтических преданий о золотом веке человечества, и такое *послушание* при такой безмерной массе сил, при таком обилии всех даров, украшающих человеческую природу! Да! в этой покорной силе, которая называется *православным русским народом*, лежат дивные сокровища ума, характера и чувства. Они развертываются беспрестанно, со дня на день, с часу на час, к изумлению мира, к славе русского имени, к утешению русского царя. Скажем с новою гордос-

тию: мы достойны своих мудрых великих монархов, которые создали нам такое блистательное настоящее, создадут еще блистательнейшее будущее. От недостатков детских мы исправляемся ежедневно под их руководством; добродетели детские сохраним всегда, к их радости и славе. Русский царь может гордиться своим народом, который в нем одном полагает все свое величие, блаженство и *гордость*.

Заклучим словами великого поэта:

О, Росс! о, род великодушный!
 О, твердокаменная грудь!
 О, исполин, царю послушный!
 Когда и где ты достигнуть
 Не мог тебя достойной славы!¹³

И ты будешь достигать ее всегда, добрый, великий народ! Будешь — только памятуй с благоговейным смирением и благородною гордостью, что вся твоя жизнь, все твое бытие сосредоточено в священной главе твоей. Без нее — ты ряд *нулей*; с этой державной единицей нули делают *биллион*!

II

В ЧЕМ СОСТОИТ НАРОДНАЯ ГОРДОСТЬ?

Из письма к NN¹⁴

Нас упрекают в недостатке благородной национальной гордости, в добровольном унижении себя в собственных глазах. Это отчасти правда. Мы еще не научились уважать себя, гордиться именем русских. Но что этому причиной?

Я всегда думал и всегда говорил, что основание фальшивого положения, в котором мы находимся относительно самих себя, заключается единственно в том детском, легкомысленном сравнении, которое мы делаем между собою и Европою, не рассуждая, что Европа старше нас тысячелетиями на пути образования, что она имеет совсем другие условия существования, нам не свойственные, и что потому между нею и нами не может быть никакой параллели. Европейцы живут своей жизнью, которая уже успела состариться; мы должны жить своею, которая только что начинается. Между тем бóльшая часть наших соотечественников, ознакомившихся с европейским просвещением, видя, что мы, русские, не имеем тех форм, которые там выработаны веками, говорят с презрением: «Да к чему русский народ способен, что из него можно сделать?»

Это, конечно, должно оскорблять народную гордость.

Но должно ли для противодействия этому убийственному презрению уклоняться в другую, противоположную крайность? Народная гордость должна ли превращаться в самообольщение, закрывающее глаза от своих недостатков?

Не думаю.

Будем беспристрастны к себе и рассмотрим внимательно настоящее положение нашей народности.

Народ русский велик не только своею физическою силою, в чем не сомневаются даже самые враги наши, но и патриархальными добродетелями, которые созидаются и держат его колоссальное существование. Но, к сожалению, эти добродетели исчезают, как скоро касается их наше ввозное, чужеземное просвещение. Это просвещение вместо скромного смирения и тихого шествования к совершенству, которое одно нам прилично, в одних вселяя оскорбительное презрение ко всему русскому, другим внушает хвастливую притязательность, не менее вредную в своих последствиях. Эти последние думают, что мы уже стоим на точке, с которой легко можем сразу достигнуть идеала совершенства; а этот идеал составляют для них обольстительные формы европейского быта.

Говорю, что такой образ мыслей и вреден, и ложен. Вреден потому, что мутит наши идеи, искажает нашу действительность. Ложен потому, что находится в явном противоречии с фактами и показывает совершенное незнание русской самобытной и самообразной народности.

Я ограничусь здесь показанием только запутанности, которую этот образ мыслей производит в наших идеях, в нашей умственной жизни. Первое и главное заблуждение, происходящее отсюда, есть обольщение, в котором находимся мы относительно нашего исторического бытия. Начитавшись европейских исторических сочинений, в которых представляется вековое развитие народов, мы втесняем наше прошедшее в те же рамы или, лучше, растягиваем его насильственно, чтобы оно наполнило эти огромные рамы. В истории нашей мы ищем тех же периодов, которые проходили европейские народы, тех же элементов, которые развивались в их жизни, и выводим или ожидаем от них тех же результатов. Заблуждение самое ложное! Конечно, прошла уже тысяча лет с тех пор, как явилось русское имя на востоке Европы. Но эта тысяча лет разве история в собственном смысле этого слова? Это летописи существования почти только этнографического. Народ русский в продолжение семисот лет только что растягивался физически, наполнял свою ландкарту,

составлял себе ту огромную географию, которая теперь изумляет вселенную. С пятнадцатого века начинает в нем вырабатываться политическая организация под сению единодержавия царей московских; тут начало собственно-русской истории. Но это начало, как и везде, смутно, дико, безобразно. Хаос установился только всемогущим «да будет» Петра; следовательно, история наша в собственном смысле продолжается только одно столетие. Как же тянуться нам до других европейских народов, из которых самые младшие живут по нескольку сот лет? Сто лет в жизни народа — минута; и вот почему можно и должно сказать, что «у нас нет истории»*.

Но не есть ли это самый жестокий удар народной гордости? Не унижает ли это нас самым оскорбительным образом? По-моему, нет! Сказать младенцу, что он младенец, юноше, что он юноша, а не муж, не старик, — что тут унижительного, что обидного? Я даже держусь такого мнения, что отсутствие истории есть одно из важнейших преимуществ, которым мы можем гордиться пред прочими европейскими народами. Посмотрите на настоящее состояние Европы: какие там бури, потрясения, ужасы! А отчего все это? Оттого, что действительность находится в беспрестанной борьбе с историей, которая в течение веков родила столько преданий и укоренила их в духе и характере народов. Эти предания иногда несовместны с настоящим; и вот ломка, разрушение! Мы, напротив, как младенцы, сохраняем чистую девственность душ, на которой стоит только мудрой руке сеять семена истины и блага; никакие плевелы не могут подавить их, потому что некогда и неоткуда было запасть им, потому что у нас не было еще истории, которая засеяла бы нас страстями, предрассудками и ложными взглядами. Все, что есть теперь в нас, так ново, что еще не пустило глубоких корней; вырывать насильственно ничего не надо.

К сожалению, эта пустота нашего прежнего существования имела и невыгодные следствия. Продолжаясь слишком долго, почти тысячу лет, она произвела в нашем уме затверделость и упорство, в нашем характере леность и беспечность, в которых не без основания упрекают народ русский. Так земля, остающаяся долго без возделывания, черствеет и каменеет. Мы должны сознаться, что эта затверделость, эта леность суть наши важнейшие недостатки, с которыми трудно бороться. Сто лет нашей истории служат тому ясным доказательством. Какие усилия

---

* Т. е. нет «истории нас самих, нашей отдельной, народной жизни», есть лишь «история наших царей».

должно было употребить великому Петру, чтобы провезть первые борозды на этой одичалой почве? До сих пор мудрое, попечительное правительство принуждено прибегать к стольким принудительным мерам, чтобы заставить нас идти вперед, соответственно его благим намерениям. Оно манит нас, как детей, наградами, чтобы мы только учились; преследует невежество заслуженным презрением, чтобы заставить нас презирать его. А мы как отвечаем на его призвание? Бóльшую часть из нас до сих пор ничем не заманишь в школу; бóльшая часть тех, которые наконец сели за азбуку, учатся, только чтобы сказать, что они учились. Мысль вовсе не развивается, ум коснеет в прежней недейтельности. Мы не видели еще до сих пор русского ума в самобытной форме, русской мысли в самообразном развитии. Все только наружный, выписной лак. Немногие исключения, если они есть, ничего не значат в массе; их никто и не примечает.

Вот это должно жестоко оскорблять нашу народную гордость! Но должно ли молчать об этом, должно ли это скрывать, затаивать во глубине души?

Нет! это была бы ложная щекотливость, вредная деликатность. Щадить себя нам нечего. Лучше откровенно сознаться в нашей грубости, дикости, закоренелости, чем обольщать себя, притворяться пред самим собою. Это будет черта благородная, которой можно гордиться; и эта гордость будет истинная, достойная великого народа, который сознает себя младенцем, для того чтобы сделаться возмужалым.

Мы ничего не имеем, чем могут хвалиться возмужалые народы; что нужды? Будем иметь, когда придет время. Зато, при наших детских недостатках, мы имеем и те качества, которые в детях служат залогом их совершенствования: мы имеем детскую доверчивость, детскую покорность и детскую преданность. Из нас можно сделать все со временем.

Точка отправления всей человеческой жизни есть чувство. В нем источник всего великого, святого, Божественного. У нас чувство доселе оставалось без призора, без возделывания; а оно имеет в нем столько же нужды, сколько ум и характер. Чувство народа питается его верованиями: верования рождают в нем религию, патриотизм, уважение к самому себе. Человек русский имеет в себе глубокое расположение к вере; но эта святая искра не горит полным пламенем. Там, где нет образования, она тлеет в пепле грубости; там, где есть образование, чужеземные ветры угрожают задуть ее. Оживление веры есть первое необходимое условие нашего совершенствования. Это чувствуют и в Европе. Но там все уже перегорело; там надобно вновь искать огня. А у нас нужно только благодатное дуновение.

Мысль моя та: нам нечем еще пока гордиться, кроме разве благородным сознанием своего младенческого состояния; нечего тянуться до других европейских народов, с которыми мы были всегда разобщены и познакомились тогда, когда не осталось меж нами и ими никаких почти точек соприкосновения; нечего, следовательно, равнять себя с ними ни в хорошую, ни в дурную сторону. Они сами по себе, мы сами по себе. У них есть прошедшее, которого у нас нет; но зато у нас есть будущее, в котором они отчаиваются. Это будущее заключается в нашей безусловной доверенности и преданности державной воле, которая правит нами, ведет нас, печется о нашем совершенствовании и которая создает для нас самую блистательную историю, такую историю, которой мы будем иметь полное право гордиться и за которую должны будем благословлять судьбу, что мы родились русскими!..

